

УДК 821.161.1-1(Айги Г.). DOI: 10.26170/2071-2405-2025-30-2-113-120.

ББК Ш33(2Рос=Рус)63-8,45

ГРНТИ 17.07.29. Код ВАК 5.9.1

«СЕТОВАНИЯ ЛАВРОВОГО ЛИСТА»: ЮНОШЕСКИЕ СТИХИ ГЕННАДИЯ АЙГИ**Житенев А. А.**

Воронежский государственный университет (Воронеж, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6365-4138>

SPIN-код: 1243-3144

А н н о т а ц и я. В статье рассматриваются социокультурный, биографический, эстетический контексты раннего творчества (1953–1958) Геннадия Айги. Наряду с первыми публикациями в советской печати к анализу привлекаются также разделы ранних стихов в авторских сборниках поэта и материалы архива Айги в Бременском университете. Впервые вводятся в научный оборот ранее не публиковавшиеся тексты Айги. Проведенное исследование позволяет утверждать, что авторская концепция, связывающая появление первых стихов на русском языке с 1960 г., требует пересмотра. Попыты автопереводов и сочинение отдельных текстов на русском, насколько можно судить по материалам архива, имели место и ранее указанной даты. Айги ретроспективно откорректировал историю собственного литературного развития, чтобы представить переход с чувашского на русский язык как одномоментный и связать его с включением в контекст «неподцензурной культуры», с развитием традиций авангарда. В реальности ситуация была сложнее: языки в творческом сознании поэта были разделены функционально, и переход с одного на другой не был необратимым; ранние стихотворные опыты были связаны не только с историческим авангардом, но и с тематикой и поэтикой советской литературы «оттепели»; эстетически и интонационно первые опыты на русском языке очень отличались от авторского стиля 1960–1980-х гг., предполагающего сдержанность, медитативность, зашифрованность. Все это понуждало поэта, принимая во внимание хождение ранних стихов в самиздате, включить некоторые из них в основной текстовый корпус – но в выдержках, исключающих представление о противоречивости раннего творчества и разнонаправленности связанных с ним ориентиров. Историзация поэтического творчества Г. Айги позволяет не только восстановить связи поэта с литературными сообществами неофициальной Москвы и Ленинграда 1950–1960-х гг., но и соотносить его с другими кругами общения – с кругом Литературного института, в частности, а также с советской официальной печатью. Это позволяет создать более стереоскопическую и исторически достоверную картину литературного дебюта и вхождения молодого поэта в контекст разных литературных структур.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Г. Айги; современная поэзия; поэтические черновики; юношеское творчество; билингвизм

Д л я ц и т и р о в а н и я: Житенев, А. А. «Сетования лаврового листа»: юношеские стихи Геннадия Айги / А. А. Житенев. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2025. – Т. 30, № 2. – С. 113–120. – DOI: 10.26170/2071-2405-2025-30-2-113-120.

“LAMENTATIONS OF THE BAY LEAF”: EARLY POEMS BY GENNADIY AYGI**Alexander A. Zhitenev**

Voronezh State University (Voronezh, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6365-4138>

Abstract. The article examines the socio-cultural, biographical, and aesthetic contexts of the early works (1953–1958) of Gennadiy Aygi. Along with the first publications in the Soviet press, sections of early poems in the poet's collections and materials from Aygi's archive at the University of Bremen are also included in this analysis. Previously unpublished texts by Aygi are introduced into scholarly discourse for the first time. The study allows arguing that the author's conception linking the publication of the first poems in Russian with the year 1960 needs to be reconsidered. As far as it can be judged from the archive materials, there were also experiments of auto-translations and writing certain texts in Russian earlier than this date. Aygi retrospectively corrected the history of his own literary development in order to present the transition from Chuvash to Russian as a one-time event and to link it to the inclusion in the context of 'uncensored culture' and the development of avant-garde traditions. In reality, the situation was more complicated: the languages in the poet's creative consciousness were divided functionally, and switching from one to the other was not irreversible; the early poetic experiments were connected not only with the historical avant-garde but also with the themes and poetics of the Soviet literature of the 'thaw'; aesthetically and intonationally, the first experiments in Russian were very different from the author's style of the 1960s and 1980s, which implied restraint, meditation and ciphering. All this prompted the poet, taking into account the circulation of early poems in samizdat, to include some of them in the main text corpus – but in extracts that exclude the idea of the contradictory nature of his early work and the multidirectionality of the benchmarks associated with it. The historicization of Aygi's poetic work allows the researcher not only to restore the poet's connections with the literary communities of unofficial Moscow and Leningrad in the 1950s and 1960s but also to relate him to other social circles – the circle of the Literature Institute, in particular, as well as the Soviet official press. This allows for a more stereoscopic and historically accurate picture of the young poet's literary debut and entry into the context of various literary structures.

Key words: G. Aygi; contemporary poetry; poem drafts; early creative works; bilingualism

For citation: Zhitenev, A. A. (2025). “Lamentations of the Bay Leaf”: Early Poems by Gennadiy Aygi. In *Philological Class*. Vol. 30. No. 2, pp. 113–120. DOI: 10.26170/2071-2405-2025-30-2-113-120.

Для любого поэта *juvenilia* представляют определенную проблему, связанную с интеграцией ранних стихотворений в общий текстовый корпус: достаточно ли они свободны от влияний, достаточно ли они эстетически выразительны, образуют ли они единый «сюжет» с более зрелыми сочинениями? Сравнение состава подготовленных Г. Айги авторских сборников может служить показательным примером весьма избирательного и варибельного отношения к юношеским стихотворениям.

В парижском сборнике «Отмеченная зима» (1982) отсутствуют все стихи, написанные ранее 1960 года. В заметке А. Леонтьева «На пути к ангельскому сплаву», выполняющей роль одного из послесловий, это объясняется тем, что «до 1960 года Айги писал на чувашском языке, короткий промежуток времени был поэтом-билингвом» [Леонтьев 1982: 578–579]. В предисловии В. Казака к кельнской книге «Стихи 1954–1971» (1975) этот тезис повторяется, хотя и находится в прямом противоречии с составом книги: «Айги писал до 1960 года стихи на чувашском языке, теперь он уже пятнадцать лет только переводит на родной язык» [Казак 1975: 5]. В мемуарных записях «Обыденность чуда» (1990) эта же мысль звучит уже из уст поэта: «На русский язык я мучительно переходил в 1960 году <...> Одно из моих первых русскоязычных стихотворений называлось “Отмеченная зима”. В этом названии – скрытая “цитата” из Пастернака, – я знал, что он, среди близких, отзывался обо мне словами: “Он – отмеченный”» [Айги 2001: 113].

Сравнительно небольшой блок стихотворений 1954–1959 годов, помещенный в кельнскую книгу, выпущенную, по словам издателя, «на правах рукописи» [Казак 1975: 7] и озаглавленный «Начала полян», преподнесен как раздел автопереводов. Во всяком случае, именно на такую мысль наводят стихотворения «Раннее с чувашского» и «Второе с чувашского». Название «Из поэмы о Волькере» создает представление об отредактированном и сокращенном текстовом корпусе. Авторское пояснение к названию раздела: «Начала – как философское понятие, *поляна* – обычные лесные поляны» [Айги 1975: 205] задает такой режим восприятия, при котором ранние опыты важны только в качестве «предисловия», обозначающего важные для поэта бытийные координаты. Тем интереснее, что в вышедшем позднее парижском сборнике это «предисловие» опущено, а сопроводительный аппарат издания исключает даже мысль о его существовании.

А. Хузангай в комментариях к чебоксарскому собранию сочинений Г. Айги (2009) отмечает, что в сборниках поэта 1991–1992 гг. ранние стихи снова были включены в актуальный текстовый корпус, но с некоторыми вариациями: в сборнике «Здесь» по сравнению с первой публикацией изменены состав и композиция раздела «Начала полян» («Стихи 1954–1971»: «Раннее с чувашского», «Второе с чувашского», «Бодлер», «Из поэмы о Волькере», «Конец», «Предчувствие первого снега», «Здесь», «К предчувствию реквиема», «День», «Пока», «Родное», «Отъезд», «Сад в декабре», «Снег»; «Здесь»:

«В рост», «В декабрьской ночи», «Бодлер», «Родное», «Путь»); в книге «Теперь всегда снега» цикл «Начала полян» растворен в разделе «Расходящиеся облака» и включает лишь несколько стихотворений («Здесь», «Прощальное», «Отъезд») [Хузангай 2009: 574]. Вариации свидетельствуют об изменении прагматики: в контексте «избранного» *juvenilia* приобретают значение необязательного образчика раннего творчества. Примечательно, что в чебоксарском томе приводится несколько не опубликованных ранее русских стихотворений Айги 1950-х гг. без указания на то, что это автопереводы («Сон-огонь (Утра в Иркутске)», «Куст»).

Обращение к материалам архива Г. Айги позволяет заключить, что утверждение о поворотном значении 1960 года – это во многом авторский миф, объясняемый намерением связать первые же поэтические опыты с авангардной поэтической традицией, в частности, с влиянием Б. Пастернака и Н. Хикмета. В воспоминаниях Айги именно с этими именами связывается совет перейти на русский язык. Приведем фрагмент из воспоминаний о Н. Хикмете: «Похоже, что только русскоязычие может позволить Вам оперировать всем тем, что, как нечто поэтически-зарождающееся, происходит с Вами <...> Вам нужен большой инструмент. Нужен – оркестр. Значит, Вам необходимо перейти на русский, это будет соответствовать тому, что Вы в себе несете. Только запомните: *Вам никогда не простят Ваше происхождение*, то, что, будучи выходцем из малого народа, Вы будете существовать в большой литературе» [Айги 2001: 113].

В большом рукописном корпусе архива есть две скромные по объему папки из свернутых в несколько раз газет. Одна из них озаглавлена «Наброски иркутского периода»¹, другая «Из неопубл. стихов». Обе содержат рукописные и машинописные русские тексты с датами в диапазоне с 1953 по 1958 годы. Один из рукописных текстов имеет заголовок «Отрывок из поэмы (подстрочный перевод с чувашского)», но и он вводит в заблуждение, поскольку в текст, написанный светлыми фиолетовыми чернилами, несколько раз делаются вставки фиолетовыми чернилами, что, как минимум, превращает подстрочник в рабочий материал с явными следами редактуры.

Большая часть датированных фрагментов в этих папках относится к драматическому для Г. Айги периоду 1957–1958 гг., о котором достаточно выразительно написал первый биограф поэта Л. Робель: «1958 для Айги – это год испытания на разрыв. <...> Комитет проголосовал за исключение Айги из комсомола и потребовал отчислить его из института <...> Удар был очень тяжел для Айги, он <...> оказался в отчаянном положении: без стипендии, без крыши над головой, без диплома. <...>. Сначала Айги отправляется на поиски работы

¹ Биографический контекст «иркутских стихов», включая круг знакомств и обстоятельства поездок в Иркутск в 1956–1958 гг., описаны в статье А. Мирзаева: Мирзаев А. Геннадий Айги – Анна Лаврова. Иркутская история. URL: <http://quarta-poetry.ru/ai-gi-mirzaev-12/> (дата обращения: 22.02.2025).

в Сибирь. В Иркутске у него друзья <...> На этот раз, несмотря на все усилия, никакой работы найти ему не удастся. Он отправляется в Чувашию, где выходит на родном для него языке первая книжечка его стихов. Но «дурная репутация» Айги уже известна местным властям: он не только не может никуда устроиться на работу, но все время сталкивается со всевозможными провокациями. <...> Тогда он возвращается в Москву, где знакомится с жизнью бомжей: он ночует на вокзалах или у случайных людей, ему не на что купить хлеба» [Робель 2003: 28]. Некоторые сохранившиеся в архиве ранние стихи убедительно документируют это «испытание на разрыв».

Характерно, что в пунктирной биографии, созданной Л. Робелем, очевидно, не без тесного взаимодействия с Г. Айги, логика перехода с чувашского на русский и временные параметры этого перехода охарактеризованы несколько иначе, чем в других источниках: «С 1955 года Айги начинает писать параллельно по-чувашски и по-русски, по-винуясь настоящей потребности знакомить институтских товарищей с тем, что он делает. Среди них были молодые поэты, которым прочили славу: Евтушенко, Ахмадулина, Юнна Мориц... Его друг Ахмедов. Поэтому, мало-помалу, вместо того чтобы приблизительно переводить друзьям свои тексты с листа, Айги, написав стихотворение по-чувашски, начинает, отталкиваясь от оригинала, работать над русским его вариантом. Все чаще и чаще в процессе такого “перевода” Айги уходит от буквальности. Он полностью переписывает стихотворение, превращая его в самостоятельное произведение на русском языке. И все больше и больше ощущает от этого дискомфорт. Его двуязычие двузначно. Друзья вправе задуматься, с чем имеет дело – с подстрочником или оригинальной манерой письма» [Робель 2003: 23].

В этом примечательном свидетельстве, характеризующем противоречивость существования молодого поэта-билингва, важным оказывается и контекст, задающий координаты эстетического развития. Очерчивая круг чтения молодого Айги, Робель в качестве поворотных событий отмечает

знакомство с творчеством В. Маяковского (1948), П. Элюара (1952), Б. Пастернака, Ф. Ницше, Ш. Бодлера (1953–1955); в 1959–1961 гг. мучительный поиск «своего круга, своего образа мыслей, своего стиля» [Робель 2003: 19] завешается: Айги знакомится с поэтами-лианозовцами, участниками «группы Черткова», входит в артистический круг «яковлевцев», включавший Александра Васильева, Владимира Пятницкого, Игоря Ворошилова, Эдуарда Курочкина: «В 1958–1959 годах возникла моя группа, которую я называю «яковлевцами» – по имени художника Владимира Яковлева – ее мотора и центра...» [Айги 2022: 384].

Переход к рафинированной культуре и обретению своего авторского стиля, таким образом, был и более протяженным, и более драматичным, нежели это казалось в ретроспективе. Но важно и другое: этот переход предполагал короткий период довольно интенсивного культурного обмена с советской поэзией эпохи оттепели. О нем, уточняя наблюдения В. Казака, писал К. Кузьминский: «В Москве <...> Айги общался <...> с Холиным, Сапгиром, Лимоновым, Ленон, Губановым, Алейниковым, Величанским, не говоря о членах Союза писателей и выпускниках Литературного института. Они-то и повлияли на поэта Айги, равно и он на них» [Кузьминский 1980: 490].

О том, что такое взаимовлияние было, свидетельствуют первые публикации Г. Айги в советской печати. В. Казак добросовестно перечисляет их в предисловии к первой русскоязычной книге Айги: «Русские его стихотворения печатались крайне редко. Первые четыре представил Светлов в *Литературной газете* 26 сентября 1961 г., потом русский читатель мог познакомиться с четырьмя другими стихотворениями в *Новом мире* (1962. 2), с двумя в *Знамени* (1962. 9). <...> Все эти публикации были переводами ранних чувашских стихов» [Казак 1975: 5]. Обобщим известные данные о ранних переводах и автопереводах в таблице (табл. 1). Обращение к этому материалу позволяет отчасти прояснить причины, по которым ранее творчество Айги подверглось саморедактуре и ретроспективно потребовало изменения контекста восприятия.

Таблица 1

	В. Тур	Б. Ахмадулина	Д. Самойлов	Б. Иренин	А. Казаков	Г. Айги
Литературная газета, 1962, 26 сентября	«Мои сестры»	«Поездка. Памяти Иржи Волькера», «Отдых»				«Сказка о шлагбауме и сторожевой будке»
Новый мир. 1962. № 2			«Куст сирени в ночном саду», «Снег»	Сказка «Зимние ночи»		
Знамя. 1962 Кн. 9		«Художник», «Куст»				
Литературная Россия. 1964. 11 сентября					«Соловей в чаще»	

Во-первых, крайне чувствительным, очевидно, был сам факт существования на русском языке в переводе, отнимающий у поэта некоторую долю субъектности и делающий невозможным редукцию посредника. Существенно и другое: перевод автоматически «прописывал» Айги в контексте

литературы народов СССР, что предполагало и включенность в весьма протяженный ряд, и известную вторичность. Характерно, что в авторском пояснении к кельнской книге (1969–1970) Айги настаивает на свободе написанного по-русски текста от любого иноязычного, и, в частности, чуваш-

ского, влияния: «Русские стихи, конечно, полностью подчиняются сфере русского языка <...>. Частные случаи, когда в них сказывается нечто, связанное с другим языком – сведены к минимуму»; «Всего, что экзотично, я тщательно избегал всегда, во всем» [Казак 1975: 5–6].

А. Хузангай, комментируя соотношение у Айги поэтического творчества на чувашском и на русском, подчеркивает, что переход с чувашского на русский не был необратимым: освоение языка культурной «метрополии», дававшее новые возможности, не означало отказа от родного языка, стихи на котором поэт создавал до конца жизни. Различие языковых миров отчасти было различием в возможностях выражения конкретно-чувственного и отвлеченно-абстрактного, и Айги не мог раз и навсегда предпочесть одно другому: «Поэт искал свой язык и для этого вводил в стихи ощущения всех органов чувств <...>. Отсюда некоторый физиологизм этих ранних стихов. <...> “Я” (Ego) поэта сжималось, свертывалось, желая защититься от внешнего мира он переходил к внутренней речи, говорению *для* и *про себя*. Высказывание не было ориентировано *вовне*, чувашезычная поэзия Айги как бы становилась *эгоцентрической* речью. В это же время поэт в русскоязычных текстах искал и находил важные для себя смыслы: “мир как творение”, “человек – это дух”, “первичная идея вещей”, <...> и др. Об этих смыслах <...> можно было высказаться на русском языке, ибо в чувашской словесности такой традиции просто не существовало, не было поэтики и способов выражения подобных смыслов» [Хузангай 2024: 286–287].

Во-вторых, препятствием, сбивающем ориентиры, Айги могли показаться предложенные публикаторами эмоционально-смысловые «ключи». В предисловии М. Светлова (1961) в лирике поэта-«самородка» акцентированы вычурность образности и стихийность творческого поиска: «Я <...> в шутку называл его “советским Бодлером” <...>. Он, допустим, не мог бы показать обыкновенную собаку. Он обязательно должен был сделать из нее какого-нибудь ихтиозавра <...> Прочтите эти несколько стихотворений. Это умно, талантливо и необыкновенно свежо»¹. В заметке Б. Ахмадулиной (1964) подчеркнуты наивность, открытость миру, яркость поэтической палитры: «Он пристально смотрит вокруг, и нет такой малости, которая не показалась бы ему значительной, располагающей к раздумью. <...> И как щедро, буйно и родимо этот мир расцвечен: в нем и радуги, и Йиржи Волькер, и черный куст в розовом пространстве, и лиловые маляры» [Ахмадулина 1997: 434]. В то же время эти

в целом благожелательные отзывы заметно сужают творческий диапазон поэта, заставляя видеть в опубликованных стихах только первые опыты.

В-третьих, очевидно, Айги категорически не устраивало образно-стилевое и стиховое решение переводов, в которых его авторская манера оказывалась практически неузнаваемой. Характерно, что ни в «Разговоре на расстоянии», ни в томе литературно-критической, эссеистической прозы и интервью в собрании сочинений ни разу не упоминаются ни Д. Самойлов, ни Б. Ахмадулина, ни Б. Тур, ни А. Казаков, а имя переводчика Б. Иринина встречается только в ранней статье о П. Хузангае (1953). Учитывая обширный ряд поэтических имен в этих книгах, такая фигура умолчания кажется знаковой.

Основания для невыраженного, но вполне читаемого недовольства, несомненно, были: достаточно сопоставить образно-смысловые решения ахмадулинских переводов стихотворений «Художник» и «Куст» и их авторских вариантов на русском языке. Существенная для Айги работа с синтаксисом и семантикой, предполагающая «недоговорки, концентрированные “сгустки существенного”, <...> параллели “недомолвок”, похожих на “формулы” или “пароли»» [Казак 1975: 6] – все это в переводе оказалось потеряно (табл. 2).

В-четвертых, некоторые из опубликованных стихотворений кажутся настолько условными, связанными с общими местами лирики оттепельных лет, что их сложно всерьез считать авторским высказыванием. В подборке в «Литературной газете» это прежде всего бравурное стихотворение «Мои сестры», воспевающее романтику комсомольского труда («Вымолвлю – Русь! / Начинает светиться / Музыка далей и горизонтов; / И проступают улыбки и лица / Девушек в синих комбинезонах») и условно-метафорическое стихотворение «Сказка о шлагбауме и сторожевой будке» («Старый полосатый Шлагбаум / был убежден, что он у Дороги – / единственный в мире поклонник»)².

Некоторая доля прямолинейно поданного тематизма появляется и в новоязской подборке – в стилизованно-«деревенской» «Сказке» («На мокрой пойме, у затона, / С гусями день проходит мой, / И только в сумерках я сонно / Бреду меж ветлами домой» [Айги 1962: 137]) и в сдержанно-риторичном стихотворении о коллективной памяти «Зимние ночи» («Тут считай не считай, а душ двести сполна / Только в наше село не вернула война / <...> / На гулянках, на свадьбах шумит молодежь / Стариков по углам за беседой найдешь» [Айги 1962: 138]).

¹ Светлов М. Доброго пути! // Литературная газета. 1961. № 115. С. 3.

² Айги Г. Стихи // Литературная газета. 1961. № 115. С. 3.

Таблица 2

Б. Ахмадулина Художник	Г. Айги Художник
<p>Земля, открой мне тайну простоты! Твой рисовальщик, я возьмусь за дело. Я доведу рисунок до предела – и будет он естественен, как ты.</p> <p>Я знаю: совершенен сталактит, как торс вакханки Скопаса. Едини законы созидания. Иди же и так твори, как мир себя творит.</p> <p><...> [Ахмадулина 1997: 426]</p>	<p>создано ли? – это просто дано как сталактитовые блики в пещерах кому-то несведущему:</p> <p>своей взаимосвязью в себе существует –</p> <p>вдруг – иногда – открываясь Зренью – которое я</p> <p><...> [Айги 2001: 116]</p>
<p>Мороз... Не хочется, да надо вставать... И голос хриповат... Плывет заброшенного сада таинственный архипелаг.</p> <p>Там, меж сугробов, меж окраин зимы, так воздух свеж и пуст. Я только гость здесь. Мой хозяин – крыжовника зальделый куст.</p> <p>Равно над садом, надо мною вставало солнце. Вкруг куста возникла тень. Что тень такое? Рисунок или пустота?</p> <p><...> [Ахмадулина 1997: 428]</p>	<p>о явное это пространство между снегом и между нижними ветками крыжовника около ветхой решетки –</p> <p>в архипелагах занесенного снегом сада</p> <p>нет в этом пространстве признаков тени и недоказуема близость редящих листьев</p> <p>сперва может быть и была эта тень и торжеством было ее появление –</p> <p>видимым словно в растворяющей воде сиротством чернеющих веток [Айги 2009: 36].</p>

Некоторая доля прямолинейно поданного тематизма появляется и в новомирской подборке – в стилизованно-«деревенской» «Сказке» («На мокрой пойме, у затона, / С гусями день проходит мой, / И только в сумерках я сонно / Бреду меж ветлами домой» [Айги 1962: 137]) и в сдержанно-риторичном стихотворении о коллективной памяти «Зимние ночи» («Тут считай не считай, а душ двести сполна / Только в наше село не вернула война / <...> / На гулянках, на свадьбах шумит молодежь / Стариков по углам за беседой найдешь» [Там же: 138]).

В совокупности все перечисленные обстоятельства, по всей видимости, создавали ощущение неаутентичности литературного бытия, а, возможно, и преждевременного дебюта. «Начала полян» в этом смысле могут рассматриваться как ретроспективная попытка частичного «исправления» этого впечатления. При этом Айги считает необходимым в своем предисловии к этому разделу сослаться на утрату контроля за циркулированием рукописей и в этом смысле на «вынужденность» публикации.

Примечательно, что, говоря об этой части сборника, он использует слово «книга», подразумевая некоторый отбор текстов для печати: «В последние годы <...> я старался не думать о моей первой книге стихов. В ней отразились те черты юности, которые в более зрелом возрасте начинают казаться порочными для искусства. К обычному для ранних стихов романтизму присоединилось нечто индивидуальное: стихотворный труд представлялся мне прежде всего как добыча поэтического материала. <...> Поздний пересмотр и приведение в порядок ранних стихов объясняется несколькими причинами. Основную тревогу, пожалуй, вызывало то обстоятельство, что эти вещи в свое время разошлись по рукам и их невозможно

уничтожить» [Казак 1975]. Из контекста неясно, что означает «приведение в порядок» – частичную редактуру или полное переписывание – но очевидно, что этот «пересмотр» был попыткой «исправления» собственной литературной биографии.

Обращение к архиву Айги¹ в целом подкрепляет это впечатление, поскольку и в формальном, и в тематическом отношении *juvenilia* существенно отличаются от текстов, написанных после 1960 года. Тем интереснее, что поэт не уничтожил эту часть своего архива, а сохранил – пусть в выдержках и извлечениях. Отметим некоторые особенности такого избирательного хранения.

Во-первых, среди юношеских стихов значительную часть составляют фрагменты – как правило, представляющие собой обрезанные «ленты» машинописи с отсутствующими началом, концом или и тем, и другим. Их очевидная независимость от сюжета заставляет видеть в них своего рода «заготовки», которые в дальнейшем можно использовать в качестве элементов стихотворного конструирования. Этот подход в полной мере согласуется с уже известными принципами работы Айги с черновиками [Житенев 2023: 247–248]. Приведем некоторые примеры (все тексты публикуются впервые):

Вздрагивают пальцы мои от жилок,
пульсирующих на лбу.
«Я сам себе афиша», –
кому-то сказал я утром.

¹ Архив Айги в Институте Восточной Европы на момент нашей работы с ним (2013 г.) не был разобран, в связи с чем сделать корректное библиографическое описание источника не представляется возможным; здесь и далее все цитаты приводятся по рукописям в личном фонде поэта: Archiv Forschungsstelle Osteuropa an der Universität Bremen, FSO 01–218.

когда тебе безразлично,
считают ли, что унижаешься ты или нет.
Тогда это гордость, когда
ты не боишься показаться слабым
всем, кто слабее тебя.

Люди создали на этом свете
еще одно одиночество:
они ушли от человека.

называемый гордостью ваш линиялый занавес,
за которым лениво пляшут
изношенные кукольные арлекины.

1958, июня 28–29. Москва

Во-вторых, некоторые из сохранившихся стихотворений, по всей вероятности, имеют значение *memorabilia* – это стихи, имеющие «привязку» к каким-то субъективно значимым событиям. Это самые ранние из датированных текстов, а также тексты-подстрочники, которые, очевидно, рассчитаны прежде всего на пространство автокоммуникации. Впрочем, на некоторых отрывках этого рода существует карандашная нумерация, свидетельствующая о незавершенной попытке циклизации.

Приведем один архивный пример – два достаточно необычных для Айги «сказочных» текста, сопровождаемые карандашной заметкой-обращением к поэту Паруйру Севаку, с которым Айги был знаком с 1956 г.: «Паруйр, посмотри еще (прочти) эти сказочки, я их почти никому не показывал. Дуракавалынье, конечно (писал специально, чтобы радовать одного человека), но они меня тоже радовали. Никому не говори о них».

Над двумя машинописными текстами с небольшой правкой проставлены карандашом номера, под вторым из них есть еще и дата, указывающая на то, что это один из самых ранних известных текстов поэта, и самый ранний из написанных на русском:

1) МАЛЕНЬКОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ В ОДНОМ ЗАПУЩЕННОМ САДУ

Астра сказала: дорогой Лопух,
я иначе воспитана ~~не так, как~~ чем Вы,
прошу Вас – ~~не забудьте~~ это запомните это».

А Лопух смотрел сквозь шляпку прозрачную
Астры

на ржавые решетки сада,
и ~~они~~ казались ему они
золотыми узорами райских ворот.

28 сентября

2) СЕТОВАНИЯ ЛАВРОВОГО ЛИСТА (1953 год)

Я думал, что будет Айги
сидеть под сенью той ветки,
где был я лучшим листком,
что тень на лице Айги
будет именно от меня.

Я думал –
когда будут венчать Айги
лавровым венком –
именно я окажусь
над его великолепным лбом.

А попал я ему – в тарелку,
он вынул меня оловянной ложкой,
спутал к тому же меня с ивовым листком,
и тихо выругался на всю столовую:
«– Черт знает, что такое!..»

30 сентября

В-третьих, в отдельную группу стоит выделить тексты-свидетельства, как правило, весьма экспрессивные и проникнутые обличительными социальными нотами; они примечательны поиском интонации, позволяющей поэту установить дистанцию по отношению к переживаемой поэтическим субъектом катастрофе. Правка в них, как правило, предполагает стремление к сдержанности, обретению самообладания. В контексте творчества Айги рубежа 1950–1960-х гг. это примечательные тексты, позволяющие задокументировать логику трансформации авторской манеры, ухода от публицистического высказывания к сдержанной поэтической формуле:

РАСПЛАТА

За ложь наступает расплата правдой,
За шум наступает расплата музыкой,
В расплату за слабость – дается сила,
Которую некуда деть.

Любил суету – полюби пустыню,
боялся жизни – не бойся смерти,
будь пробным камнем хотя б недоверия,
чем веры рабов и предателей.

1958, июня 29. Москва

ЭПИЛОГ

Медленно стареют руки мои
на чужих столах,
На спинках чужих диванов
отдыхает моя голова.
Надо будет иметь мне
свою дверь и свое окно:
скоро должен ко мне прилететь
тихий ворон Эдгара.

1958, июня 25. Ленинград

МОЛЧАЛИВАЯ ИСТОРИЯ

Титаны нахальства, виртуозы лжи,
Мясные комки, выводящие на бумагах
Меморандумы и акты.

Небо. Руки. Снег.

Газовые камеры, каминны на дачах,
Целые государства
Пишущих машин.

Камни. Плечи. Дождь.

Подведем итоги. Обращение к первым публикациям ранних стихов и связанным с ними авторскими комментариям, а также сравнение текстовых корпусов книг разных лет позволяет утверждать, что

ранние стихи Айги намеренно публиковались в нерепрезентативном составе. Для поэта в выстраивании собственной поэтической биографии решающее значение имела символическая точка обретения идентичности на рубеже 1950–1960-х гг., определяемая разработкой оригинальной творческой манеры, соотношением себя с неоавангардным художественным контекстом, отказом от попыток встраивания в советскую модель писателя-билингва. Ранние опыты получали легитимацию только в том, случае, когда встраивались в эту условную схему.

Обращение к архивам позволяет утверждать, что поиск себя был нелинейным и допускал разные возможности. Неопубликованные стихи на русском языке, датированные 1953–1959 гг., а также опубликованные в официальной печати переводы и автопереводы 1962–1964 гг. свидетельствуют о достаточном активных контактах с советской поэзией «оттепели», о тематических, образных и смысловых пересечениях с ней. Ретроспективные попытки переосмыслить свой ранний период, его эстетические ориентиры, соотношение в нем чувашского и русскоязычного творчества могут рассматриваться как

попытка автомифологизации, призванная связать «начало» Айги не с литинститутским кругом, а с кругом неподцензурной литературы и культуры.

Важным мотивом ретроспективного «перепиывания» собственной истории была и особая тональность некоторых ранних стихов. Если для зрелого творчества Айги характерны эмоциональная сдержанность, смысловая обобщенность, тяготение к метафорическому шифру, то стихи второй половины 1950-х гг. напротив, нередко предполагают острые публицистические выпады, остроту социально-политического высказывания, экспрессивный риторический строй. В целенаправленно выстраиваемом Айги литературном контексте собственного творчества 1960–1970-х гг. опытам такого рода места уже не нашлось, что и определило их «архивный» статус.

Таким образом, задачу контекстуализации творчества Айги в будущем кажется уместным связать не только с исследованием его опыта переводчика и продолжателя русского авангарда, но и с анализом опыта провинциального советского поэта, проходящего через различные влияния, – опыта, прямо отразившегося в его юношеских стихах.

Источники

Archiv Forschungsstelle Osteuropa an der Universitat Bremen, FSO 01–218.

Литература

- Айги, Г. Разговор на расстоянии. Статьи, эссе, беседы, стихи / Г. Айги. – СПб. : Лимбус-Пресс, 2001. – 304 с.
- Айги, Г. Собрание сочинений. Т. II / Г. Айги. – Чебоксары : Чувашское книжное издательство, 2009. – 607 с.
- Айги, Г. Стихи / Г. Айги // Новый мир. – 1962. – № 2. – С. 136–139.
- Айги, Г. Стихи 1954–1971 / Arbeiten und Texte zur Slavistik. Bd. 7 / Г. Айги. – München : Verlag Otto Sagner in Kommission, 1975. – 214 с.
- Айги, Г. Судьба Андрея Волконского / Г. Айги // Узелки времени. Эпоха Андрея Волконского: воспоминания, письма, исследования. – СПб. : Jaromír Hladík press, 2022. – С. 383–386.
- Ахмадулина, Б. Сочинения. Т. 2. Стихотворения 1980–1996. Переводы. Воспоминания / Б. Ахмадулина. – М. : ПАН ; Корона-Принт, 1997. – 647 с.
- Житенев, А. А. Геннадий Айги: поэтика черновика / А. А. Житенев. – СПб. : Jaromír Hladík press, 2023. – 272 с.
- Казак, В. Искания Геннадия Айги / В. Казак // Айги Г. Стихи 1954–1971 / Arbeiten und Texte zur Slavistik. Bd. 7. – München : Verlag Otto Sagner in Kommission, 1975. – С. 5–8.
- Кузьминский, К. Чуваши в русской литературе / К. Кузьминский // The Blue Lagoon Anthology of Modern Russian Poetry. Vol. 1 / ed. by K. Kuzminsky, G. Kovalev. – Newtonwill : Oriental Research Partners, 1980. – С. 490–491.
- Леонтьев, А. На пути к ангельскому слову (Из неоконченной работы о Г. Айги) / А. Леонтьев // Айги Г. Отмеченная зима. – Париж : Синтаксис, 1982. – С. 578–590.
- Робель, Л. Айги / Л. Робель ; пер. с франц. О. Северской. – М. : Аграф, 2003. – 224 с.
- Хузангай, А. Комментарии / А. Хузангай // Айги Г. Собрание сочинений. Т. II. – Чебоксары : Чувашское книжное издательство, 2009. – С. 573–591.
- Хузангай, А. Чувашский Айги: русский Айги / А. Хузангай // Новое литературное обозрение. – 2024. – № 6. – С. 284–292.

References

- Akhmadulina, B. (1997). *Sochineniya* [Collected Works]. Vol. 2. *Stikhotvoreniya 1980–1996*. *Perevody. Vospominaniya*. Moscow, PAN, Korona-Print. 647 p.
- Aygi, G. (1962). *Stikhi* [Poems]. In *Novyi mir*. No. 2, pp. 136–139.
- Aygi, G. (1975). *Stikhi 1954–1971* [Poems. 1954–1971] / *Arbeiten und Texte zur Slavistik*. Bd. 7. München, Verlag Otto Sagner in Kommission. 214 p.
- Aygi, G. (2001). *Razgovor na rasstoyanii. Stat'i, esse, besedy, stikhi* [Conversation at a Distance. Articles, Essence, Conversations, Poems]. Saint Petersburg, Limbus-Press. 304 p.

Aygi, G. (2009). *Sobranie sochinenii* [Collected Works]. Vol. II. Cheboksary, Chuvashskoe knizhnoe izdatel'stvo. 607 p.

Aygi, G. (2022). Sud'ba Andreya Volkonskogo [The Fate of Andrei Volkonsky]. In *Uzelki vremeni. Epokha Andreya Volkonskogo: vospominaniya, pis'ma, issledovaniya*. Saint Petersburg, Jaromír Hladík press, pp. 383–386.

Kazak, V. (1975). Iskaniya Gennadiya Aigi [Searching of Gennady Aygi]. In Aygi, G. *Stikhi 1954–1971 / Arbeiten und Texte zur Slavistik*. Bd. 7. München, Verlag Otto Sagner in Kommission, pp. 5–8.

Khuzangai, A. (2009). Kommentarii [Comments]. In Aygi, G. *Sobranie sochinenii*. Vol. II. Cheboksary, Chuvashskoe knizhnoe izdatel'stvo, pp. 573–591.

Khuzangai, A. (2024). Chuvashskii Aikhi: russkii Aigi [Chuvash Ayhi: Russian Aygi]. In *Novoe literaturnoe obozrenie*. No. 6, pp. 284–292.

Kuzminsky, K. (1980). Chuvashi v russkoi literature [Chuvash in Russian Literature]. In Kuzminsky, K., Kovalev, G. (Eds.). *The Blue Lagoon Anthology of Modern Russian Poetry*. Vol. 1. Newtonwill, Oriental Research Partners, pp. 490–491.

Leontyev, A. (1982). Na puti k angel'skomu slovu (Iz neokonchennoi raboty o G. Aigi) [On the Way to the Angelic Word (From the Unfinished Work about G. Aygi)]. In Aygi, G. *Otmehennaya zima*. Paris, Sintaksis, pp. 578–590.

Robel, L. (2003). *Aigi* [Aygi]. Moscow, Agraf. 224 p.

Zhitenev, A. A. (2023). *Gennadii Aigi: poetika chernovika* [Gennady Aygi: Poetics of the Draft]. Saint Petersburg, Jaromír Hladík press. 272 p.

Данные об авторе

Житенев Александр Анатольевич – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры издательского дела, Воронежский государственный университет (Воронеж, Россия).

Адрес: 394018, Россия, г. Воронеж, Университетская площадь, 1.

E-mail: superbia@mail.ru.

Дата поступления: 27.02.2025; дата публикации: 30.06.2025

Author's information

Zhitenev Alexander Anatolyevich – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of Department of Publishing, Voronezh State University (Voronezh, Russia).

Date of receipt: 27.02.2025; date of publication: 30.06.2025